

Дарья Корзюкова

11 класс, школа № 309, Санкт-Петербург

Рецензия на спектакль «Песнь Песней» (Большой театр кукол)

В начале был гранат

Одним жарким летним днем на столе лежал гранат. А на экране шел «Цвет граната» Сергея Параджанова. Слов нет – есть изображение. Режиссер отказался от привычных монологов, оставив только визуальное и музыкальное. Сейчас его кино относят к артхаусу, кто относит — не знаю, но так написано в интернете. Кажется, что все непонятное кидают в один ящик и с умным видом говорят— «это артхаус». А что это такое — никто внятного ответа не дает. Но раз киноведы столь уверены, то и я возьму с них пример. Спектакль «Песнь Песней» в Большом театре кукол — артхаус. Тем более, режиссер Руслан Кудашов вдохновлялся параджановским кино.

Свет погас, вокруг темнота, ничего не видно. Лучи озаряют десяток золотых пластин. Скрижали величественно шелестят в черном пространстве. Текст прочесть не получится даже с первого ряда – язык древний, давно уже мертвый. Пластины исчезают. Вдруг на дальнем плане появляется мужская фигура с книгой в руках, открывает ее, а там золотыми буквами «ЛЮБОВЬ». Захлопнул. Снова раскрыл, и отраженным от слова светом озарил любопытные лица зрителей. Так начинается ветхозаветное произведение, поставленное по мотивам канонической книги царя Соломона «Песнь Песней». Наблюдать за действием — настоящее удовольствие. Только здесь нет как такового сюжета — это больше напоминает поток сознания, который выливается на беззащитного зрителя. Не каждый готов воспринимать историю без слов. Это ведь совсем не просто — понимать, когда речь идет не о стихах и прозе, а о цвете и форме. Образ не подлежит выражению, а воздействует непосредственно, на подсознательном уровне. Поэтому воспринимать такой спектакль нужно, доверяя интуиции,

собственному чувству. В нем не рассматриваются социальные проблемы или бытовые неурядицы с политическим подтекстом — тут все гораздо проще — любовь, которая вне времени.

Священное писание о любви царя Соломона и крестьянки Суламиты. В настоящее время считается сборником свадебных песен без единого сюжета. В Православной традиции считается, что «Песнь Песней» несёт в себе несколько смыслов: описывает любовь между Богом и человеческой душой, пророческие описания о Богородице, духовное возрастание человеческой души на пути следования к Богу. Эта история касается всех мужчин и женщин, ведь она о первых людях: Адам и Ева — это мы. Их появление на сцене сопровождается интересными эффектами. Они спускаются, или скорее падают из неоткуда. В двух пучках света их тела сопротивляются потоку воздуха, но все же они оказываются на 3(з)емле. Сразу принимают дары природы — молоко, фрукты, в их числе и гранаты. По залу разносится запах пряностей, воскрешает давно забытые воспоминания. Между людьми тесная связь — он наливает в чашу вино, она отпивает. Сидят в анфас как у Параджанова, на друг друга не смотрят, но при этом взаимодействуют: передают веточки, плоды, держатся за руки. Такая экспериментальная форма хорошо вписывается в театральное пространство. В фильме «Цвет граната» была статичная камера, кадры перелистывались как картинки в альбоме, а здесь сцена статична сама по себе, но динамики все же больше, чем в кино. Использована универсальная цветовая триада «красное-черное-белое». Ковры, яства, костюмы отсылают к Востоку: к двум культурам — грузинской и армянской.

Специфика театра – куклы, поэтому их ввели в действие. Происходит наложение двух миров: реального на кукольный. Поэтому в спектакле оживляют деревянных человечков, чтобы те оживили людей. Наличие такого количества реквизита поражает. Хотела бы я посмотреть на то, как готовятся к этому спектаклю, как умудряются ничего не забыть — это кропотливая работа. Тут все время что — то

летает, падает, сыпется, звенит, шуршит, стучит. По краям сцены стоят два чтеца и редко, отдаленным эхом читают отрывки из Библии. Но читают они одновременно, поэтому невозможно разобрать слова. Их голоса больше напоминают шум. Если бы Адаму с Евой дали слово, то их бы тоже никто не понял — они бы говорили на праязыке.

Первый образ Любви возникает как раз во время трапезы. К ним подходит девушка в белом платье, становится между ними и топчется босыми ногами в винограде. Ее одеяние становится кроваво-красным — образ можно трактовать по-разному — надежда, спасительница, София. Руки влюбленных пачкаются в гранатовом соке — они вытираются о чистые рубахи. Наступает процесс появления и развития любви. Эти двое начинают отчаянно искать друг друга через века, но не находят. То они появляются в образах Ромео и Джульетты, то оказываются в современном мире. Он, в пиджаке и с цветком в зубах бежит изо всех сил на одном месте к ней, но не находит, а она, стоит рядом, освещенная другим софитом. Им бы только развернуться друг к другу лицом, но они продолжают стоять строго в анфас.

Еще один персонаж, старуха-ведьма, все действие бегаёт за влюбленными с дотошными криками. Она противоречит возвышенным образам Мужчины и Женщины. Но наступает момент, когда древний человек срывает с нее черную мантию, избавляет ее от плохого и она остается в белом одеянии, молодая и чистая душой. Образ Любви — безликий, под реквием Моцарта *Lacrimosa* раскидывает красные лепестки, которые под силой ветра начинают летать по сцене. Платье сменяется на черное. Гудение музыки усиливает напряжение - он и она соединены, стали единым целым -связаны в кровавых рубахах. Напоминают ребенка в утробе матери — довольно жуткая сцена, сопровождаемая криками. Ты чувствуешь, что сейчас что — то порвется. Люди запутались, потерялись.

Через весь спектакль проходит образ граната — начало новой жизни, искупление, возрождение. В Ветхом Завете — как символ очищения. То плоды подвешены на тонких ниточках, то Мужчина нервно рубит гранат, метафизируя его со своим сердцем. А в эпизоде «эмбриона» всю сцену закидывают ливнем гранатовых кожурок. И двое влюбленных, являясь большим плодом, отрываются друг от друга. Она держит в руках замок, он сидит над горой ключей и пытается подобрать нужный. Режиссер использует символы, которые каждый воспринимает по-своему. Наконец ключ найден, замок открыт, души соединились. И хоть на сцене праздник, но звук намекает на обратное. Эти ощущения подтверждает следующая, финальная сценка: древний человек достает из себя — прямо изо рта по одной мягкой красной буквице укладывает на страницы новой белой книги — сначала выходит «БОЛЬ», но только потом он поправляет на «ЛЮБОВЬ».

Не все выдерживали такой поток образов — некоторые уходили из зала. Как только включили свет, одна старшеклассница встала и с иронией спросила своих друзей: «Ну что, кто что понял?». Любопытно, что в Европе «Песнь песней» раньше запрещали читать до 30 лет. Потому что здесь думать нужно не только головой, но и сердцем, а для этого необходим опыт. Замечаю, что и среди взрослых разная реакция: кто — то плачет, кто — то выходит с недоумением: «за что я деньги платил?», было и белое лицо — значит, увиденное оказало мощное духовное воздействие. Такой истории не нужно сопровождение словами, часто попытки объяснить важное терпят неудачи. Этот эксперимент нужен простым людям, которые не имеют чего — то, кроме самой человеческой жизни.